

СТРУКТУРА БЫТИЯ В ЛОГИКЕ ГЕГЕЛЯ

Карандашев Ю.Н., г. Катовице, Польша

Резюме: исходным понятием общей теории систем должна быть категория существования. В статье показано, как проблема бытия, т.е. существования, решается известным немецким философом Г. Гегелем. Анализ данной категории в гегелевском изложении сопровождается теоретико-графическими построениями и авторскими комментариями к ним.

Ключевые слова: бытие, Гегель, структура бытия, теория графов.

Введение. Современная теоретическая и экспериментальная физика продолжает находиться в состоянии задумчивости, не находя окончательного ответа на вопрос, какими должны быть основы мироздания. Нельзя сказать, что эта задумчивость бездеятельная: выдвигаются новые теории, модифицируются существующие, обновляются старые. А вот самого ответа на вечный вопрос, каковы основы мироздания, нет. Какой-нибудь скептик с долей иронии скажет, что, мол, на то он и вечный вопрос, чтобы вечно искать на него ответ. Как это «обнадеживающе» звучит! Сколько в этом выражении скептического пафоса! Как узнается в этом понятие относительности истины, провозглашенное марксистско-ленинской диалектикой. Правда, вряд ли этот тезис придется по душе ученым, работающим с полной самоотдачей и желающим еще в этой жизни найти желанную истину...

Надо сказать, что они не единственные, кто был при убеждении, что истина достижима сейчас и здесь. Сам отец диалектики, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, ничуть не подтверждая тезис об относительности истины, провозглашенных его интерпретаторами, писал: «Я, разумеется, не могу полагать, что метод, которому я следовал в этой системе логики или, вернее, которому следовала в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных улучшений в частности, но в то же время я знаю, что *он единственно истинный*»¹.

Я специально выделил это заявление Гегеля, потому что он обращал его к нам, своим потомкам, чтобы мы об этом не забыли. А мы забыли... Мы были обмануты марксистско-ленинской диалектикой, воспользовавшейся Гегелем для решения своих непосредственных задач. Мы до сих пор считаем, что эта последняя является в некотором приближении гегелевской диалектикой, а потому в самом Гегеле нам искать нечего. О как мы глубоко заблуждались и заблуждаемся: ведь было написано им: «единственно истинный». Тогда почему бы нам не вернуться к его текстам, чтобы понять, на чем основывалось это его утверждение?! Может, лежит этот золотой ключик где-то рядом, и надо только склонить голову (не боясь уронить корону величественного здания науки двадцатого века), чтобы поднять его...

Структура гегелевской логики. В цитированном выше издании гегелевской «Науки логики» представлено три тома: первый вышел в 1970 году (см. сноску 1) и был посвящен учению о бытии, второй – в 1971 году² и посвящен учению о сущности, и третий – в 1972 году³ и посвящен субъективной логике, или учению о понятии.

Сразу же скажу, что нас не будет интересовать субъективная логика: она рассматривает категории понятия, суждения и умозаключения, известные нам еще из логики Аристотеля. Разделами вторым и третьим Гегель далее показывает, как эта логика возникает, т.е. выводит ее происхождение, начиная с механического объекта, продолжая объектом химическим, переходя затем к телеологии, определяя понятие жизни, вводя категорию познания и завершая обоснование идей истинного. Таким образом, ничего кроме субъективной логики и ее происхождения в третьем томе «Науки логики» не описывается. И поэтому ясно, что утверждение о «единственно истинном методе» к третьему тому, его субъективной логике, относиться не может. Будучи логикой познающего субъекта, эта логика выполняет функцию отображения объективной действительности, а потому является вторичной.

Первичной же выступает логика объективная, представленная первым и вторым томами «Науки логики». Учение о сущности второго тома рассматривает законы развития (тождества, различия, противоречия), известные нам больше как законы марксистско-ленинской диалектики (единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, и отрицания отрицания). Будучи примененными к бытию, они порождают явление, т.е. существование вещи, а с нею и существование действительности. Однако все это показывает, как происходит развитие и к чему оно приводит, но не рассматривает непосредственно то, что развивается, то есть само бытие, из которого должны выводиться законы развития. Поэтому данную часть объективной логики мы также оставляем без внимания, так как она не содержит ответа на вопрос, почему метод Гегеля является единственно истинным.

¹ Г.В.Ф. Гегель. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970, с. 108.

² Г.В.Ф. Гегель. Наука логики. В 3-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971.

³ Г.В.Ф. Гегель. Наука логики. В 3-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1972

Оставшийся первый том посвящен учению о бытии. Именно оно нас и будет интересовать, так как все остальное: сущность бытия и субъективная логика – темы производные. Учение о бытии делится Гегелем на три раздела. В третьем разделе рассматривается понятие меры, основывающееся на понятии количества. Что до последнего, то оно является темой второго раздела и выступает абстракцией от самого понятия бытия. Именно ему посвящается первый раздел первого тома «Науки логики». И, конечно, Гегель рассматривает его под категорией определенности или качества, пытаясь согласовать его с уже известными философскими категориями. И именно тут кроется вся тайна гегелевского метода, дающая ему все основания считать его единственно истинным.

Определение чистого бытия. Гегель пишет:

«Бытие есть неопределенное непосредственное».

И более детально:

«*Бытие, чистое бытие* – без всякого дальнейшего определения. В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе, а также не неравно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему. Если бы в бытии было какое-либо различимое определение или содержание или же оно благодаря этому было бы положено как отличное от некоего иного, то оно не сохранило бы свою чистоту. Бытие есть чистая неопределенность и пустота. – В нем *ничего* созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, иначе говоря, оно есть только само это чистое, пустое созерцание. В нем также нет ничего такого, что можно было бы мыслить, иначе говоря, оно равным образом лишь это пустое мышление. Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле *ничто* и не более и не менее, как *ничто*»⁴.

Судя по приведенному описанию, о *чистом бытии* вообще нечего сказать, а потому, казалось бы, тему можно закрыть, даже ее и не начиная. Однако мы говорим о содержании образа, не выходя за его пределы. Сделав же объектом внимания не содержание образа, а сам образ (как раму, в которой помещена картина), мы можем сказать, что в раме этой что-то есть или в ней ничего нет. А это уже знание! Именно это и утверждает Гегель: наше сознание, образ, рама – вводят содержание, никак его не определяя. Но вводят! А это значит, что на холсте что-то нарисовано, в образе что-то постулировано. Данный факт в силу его крайней бессодержательности мы можем представить в виде точки, т.е. вершины графа⁵, представленного на рис. 1.

Рис. 1. Чистое бытие

Определение чистого ничто. Гегель пишет:

«*Ничто, чистое ничто*; оно простое равенство с самим собой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; неразличенность в самом себе. – Насколько здесь можно говорить о созерцании или мышлении, следует сказать, что считается безразличным, созерцаем ли мы, или мыслим ли мы нечто или *ничто*. Следовательно, выражение “созерцать или мыслить ничто” что-то означает. Мы проводим различие между нечто и ничто; таким образом, *ничто есть* (существует) в нашем созерцании или мышлении; или, вернее, оно само пустое созерцание или мышление, что и чистое бытие. – Ничто есть, стало быть, то же определение или, вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще то же, что и чистое *бытие*»⁶.

Судя по приведенному описанию, о чистом *ничто* можно сказать еще меньше, чем о чистом бытии. Если чистое бытие представить бубликом, то чистое ничто будет не чем иным, как дыркой от этого бублика. При этом сохраняется рама, сохраняется холст и сохраняется изображение на нем. Однако достоверно известно, что содержанием этого образа является пустота, т.е. ничто, которое принципиально отличается от введенного ранее неопределенного чистого бытия. Следует только добавить, что Гегель выступает здесь не в роли художника-натуралиста, а в роли художника-конструктивиста, который не отображает уже существующий мир, а строит его сам как господь Бог. Учитывая, что чистое ничто производно от чистого бытия и получается путем его отрицания, нам достаточно взять последнее в скобки и представить на рис. 2 в виде еще одной точки, т.е. вершины.

⁴ там же, с. 139-140.

⁵ Здесь и далее мы будем обращаться к математической теории графов, чтобы текстовые описания подкреплялись изображениями. Что до аналитического, формульного описания, мы постараемся избегать его по мере возможности, чтобы не отвратить читателя от желания понять суть вопроса.

⁶ там же, с. 140.

Рис. 2. Чистое ничто

Определение становления. Гегель пишет:

«Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина – это не бытие и не ничто, она состоит в том, что бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно так же истина не есть их неразличенность, она состоит в том, что *они не одно и то же*, что они *абсолютно различны*, но также нераздельны и неразделимы и что каждое из них непосредственно *исчезает в своей противоположности*. Их истина есть, следовательно, это *движение* непосредственного исчезновения одного в другом: *становление*; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось»⁷.

Читая данный отрывок (как, впрочем, и все тексты Гегеля), нельзя позволить себе отдаваться произвольным ассоциациям, вызываемым используемыми словами и стоящими за ними повседневными образами. Здесь нет просто слов и привычных образов. Здесь заданы слова-термины, значение которых определяется через их взаимные отношения. Понимая это, мы должны не погружаться в мистическую глубину предполагаемых гегелевских образов и тонуть в них, а всего лишь реконструировать взаимоотношения элементов описываемой структуры.

Исходя из данного замечания и руководствуясь текстом Гегеля, нам остается объединить две вершины (чистое бытие и чистое ничто) двух разных графов в один граф и на нем показать их взаимоотношения. Тот факт, что бытие и ничто суть не одно и то же, не позволяет слить эти две вершины в одну. Отсюда вытекает, что единственный способ определить их взаимоотношения состоит в проведении стрелок, т.е. направленных ребер графа, от бытия к ничто (исчезновение) и от ничто к бытию (возникновение). Только такая структура, представленная на рис. 3, удовлетворяет описанию взаимоотношений между бытием и ничто в тексте Гегеля.

Рис. 3. Прехождение и возникновение

Глядя на представленный граф, не составляет труда определить *прехождение*⁸ как переход X в (X), а *возникновение* – как обратный переход (X) в X. Тогда *становление* выступает как единство этих двух процессов

И снова слово Гегелю:

«Становление есть нераздельность бытия и ничто – не единство, абстрагирующееся от бытия и ничто; как единство *бытия* и *ничто* оно есть это *определенное* единство, или, иначе говоря, такое единство, в котором *есть* и бытие, и ничто. Но так как каждое из них, и бытие, и ничто, нераздельно от своего иного, то *их нет*. Они, следовательно, *суть* в этом единстве, но как исчезающие, лишь как *снятые*. Теряя свою *самостоятельность*, которая, как первоначально представлялось, была им присуща, они низводятся до *моментов, еще различимых*, но в то же время снятых.

Взятые со стороны этой своей различимости, каждый из них есть *в этой различимости* единство с *иным*. Становление содержит, следовательно, бытие и ничто как *два таких единства*, каждое из которых само есть единство бытия и ничто. Одно из них есть бытие как непосредственное бытие и как соотношение с ничто; другое есть ничто как непосредственное ничто и как соотношение с бытием. Определения обладают в этих единствах неодинаковой ценностью.

⁷ там же, с. 140-141.

⁸ термин «исчезновение» Гегель применяет как к *бытию*, так и к *ничто*. В отношении *бытия* он часто заменяет его на «прехождение», а в отношении *ничто* – на «возникновение».

Становление дано, таким образом, в двояком определении; в одном определении ничто есть непосредственное, т.е. определение начинается с ничто, соотносящегося с бытием, т.е. переходящего в него; в другом бытие дано как непосредственное, т.е. определение начинается с бытия, переходящего в ничто, – *возникновение и прехождение*.

Оба суть одно и то же, становление, и даже как эти направления, различные таким образом, они друг друга проникают и парализуют. Одно есть *прехождение*; бытие переходит в ничто; но ничто есть точно так же и своя противоположность, переход в бытие, возникновение. Это возникновение есть другое направление; ничто переходит в бытие, но бытие точно так же и снимает само себя и есть скорее переход в ничто, есть прехождение. – Они не снимают друг друга, одно внешне не снимает другое, каждое из них снимает себя в себе самом и есть в самом себе своя противоположность»⁹.

Можно обсуждать, насколько Гегелю удалось описать в приведенном тексте взаимоотношения, представленные на рис. 3, однако не возникает сомнения в том, что именно эти отношения Гегель тут описывает. Текст Гегеля прямо указывает на структуру приведенного графа, в котором бытие и ничто выступают всего лишь динамические моменты цикла существования, в котором бытие одновременно и становится, и умирает:

«Равновесие, в которое приводят себя возникновение и прехождение, – это прежде всего само становление. Но становление точно так же сходится в *спокойное единство*. Бытие и ничто находятся в становлении лишь как исчезающие; становление же, как таковое, имеется лишь благодаря их разности. Их исчезание есть поэтому исчезание становления, иначе говоря, исчезание самого исчезания. Становление есть неустойчивое беспокойство, которое оседает, переходя в некоторый спокойный результат.

Это можно было бы выразить и так: становление есть исчезание бытия в ничто и ничто – в бытие, и исчезание бытия и ничто вообще; но в то же время оно основывается на различии последних. Оно, следовательно, противоречит себе внутри самого себя, так как соединяет в себе нечто противоположное себе; но такое соединение разрушает себя.

Этот результат есть исчезновение, но не как *ничто*; в последнем случае он был бы лишь возвратом к одному из уже снятых определений, а не результатом ничто и *бытия*. Этот результат есть ставшее спокойной простотой единство бытия и ничто. Но спокойная простота есть *бытие*, однако бытие уже более не для себя, а бытие как определение целого»¹⁰.

Вот и замкнулся круг. Вот и определилось бытие... но уже не как произвольная абстракция, а как реальный механизм, в котором бытие «то явится, то растворится» (В. Высотский).

Контакт *чистого бытия X* с *чистым ничто (X)* приводит к становлению *бытия X* такого, что *X возникает из (X) и преходит* в нем.

Именно это утверждает Гегель. Однако есть ли за всем этим какие-либо реальные, физические основания?

Физические модели. Гегель утверждает, что ничто является отрицанием бытия. При этом самому бытию придается положительное значение, а ничто – отрицательное. Например, понятие кинетической энергии в маятнике: приняв ее за положительное значение, с полным основанием утверждаем, что при движении маятника в крайние положения кинетическая энергия превращается в ничто, являющееся ее отрицанием. Нам бы на этом и остановиться, но, следуя за законом сохранения энергии, мы далее утверждаем, что кинетическая энергия превращается не в ничто, а в энергию потенциальную, которая и является отрицанием энергии кинетической. Поменяем полюса: примем за положительное значение энергии потенциальную. Тогда энергия кинетическая будет ничто, а превращение в нее энергии потенциальной будет исчезновением (или прехождением). Однако маятник – физическое тело, определяемое через ньютонову механику. При ближайшем рассмотрении оно не может выступать как основа мироздания, а ведь именно эта функция заявляется Гегелем для бытия.

Простейшей из всех элементарных частиц является фотон, который, согласно принципу корпускулярно-волнового дуализма, существует то как частица (оказывает давление), то как волна (обнаруживает свойство интерференции). Как частица, фотон выступает в статусе чистого бытия, а в качестве волны – как его отрицание, т.е. ничто. Или наоборот: в качестве волны – как бытие, а в качестве частицы – как ничто, т.е. отрицание бытия. Однако Гегель указывает на асимметрию бытия и ничто, говоря о том, что нельзя их поменять местами, что они не взаимозаменяемы. Это значит, что кинетическая и потенциальная энергии не взаимозаменяемы, что фотон как частица и фотон как волна – не могут быть переставлены местами. На чем основывается эта разница?

Как частица, фотон поглощается и испускается электроном, а как световая волна во взаимодействии с частицами не вступает. В результате выходит, что в схеме взаимодействия бытия и ничто, описанной Гегелем, бытие выступает как частица, т.е. фотон X, взаимодействующий с другими

⁹ там же, с. 166-167.

¹⁰ там же, с. 167.

частицами а его отрицание, ничто – как световая волна (X), ни с чем не взаимодействующая. Во времена Гегеля принцип корпускулярно-волнового дуализма еще не был физиками заявлен, но у Гегеля он уже описан.

Определение наличного бытия. Начиная рассматривать наличное бытие, Гегель в первую очередь указывает на определенность, которой чистое бытие достигает, превращаясь в наличное бытие:

«В наличном бытии

а) как *таковом* следует прежде всего различать его определенность

в) как *качество*. Качество же следует брать и в одном, и в другом определении наличного бытия: как *реальность*, и как *отрицание*. Но в этих определенностях наличное бытие также и рефлектировано в себя, и положенное как *таковое* оно есть

с) *нечто*, налично сущее»¹¹.

Связь наличного бытия $\{X_i\}$ с предшествующими ему бытием X , ничто (X) и становлением представлена следующим текстом:

“Из становления возникает наличное бытие. Наличное бытие есть простое единство бытия и ничто. Из-за этой простоты оно имеет форму чего-то *непосредственного*. Его опосредствование, становление, находится позади него; это опосредствование сняло себя, и наличное бытие предстает поэтому как некое первое, из которого исходят. Оно прежде всего в одностороннем определении *бытия*; другое содержащееся в нем определение, *ничто*, равным образом проявится в нем как противостоящее первому.

Оно не просто бытие, а *наличное бытие*; взятое этимологически, Dasein означает бытие в каком-то *месте*; но представление о пространстве здесь не приложимо. Наличное бытие есть вообще по своему становлению *бытие* с некоторым *небытием*, так что это небытие принято в простое единство с бытием. *Небытие*, принятое в бытие таким образом, что конкретное целое имеет форму бытия, непосредственности, составляет *определенность*, как таковую” (4, 170).

В следующем отрывке Гегель рассматривает, с одной стороны, проблему *целого*, образуемого бытием X и ничто (X), и, с другой, проблему *внутренней* и *внешней* определенности:

“*Целое* также имеет форму, т.е. *определенность* бытия, так как и бытие обнаружило себя в становлении только как снятый, отрицательно определенный момент; но таково оно *для нас в нашей рефлексии*; оно еще не *положено* в самом себе. Определенность же наличного бытия, как таковая, есть положенная определенность, на что указывает и термин “*наличное бытие*”. – Следует всегда строго различать между тем, что есть для нас, и тем, что положено; лишь то, что *положено* в каком-то понятии, входит в рассмотрение, развивающее это понятие, входит в его содержание. Определенность же, еще не положенная в нем самом – все равно, касается ли она природы самого понятия или она есть внешнее сравнение, – принадлежит нашей рефлексии; обращая внимание на определенность этого рода, можно лишь уяснить или предварительно наметить путь, который обнаруживается в самом развитии [понятия]. Что целое, единство бытия и ничто, имеет *одностороннюю определенность бытия*, – это внешняя рефлексия. В отрицании же, в *нечто* и *ином* и т.д., это единство дойдет до того, что окажется *положенным* . . .

Наличное бытие соответствует *бытию* предшествующей сферы; однако бытие есть неопределенное, поэтому в нем не получается никаких определений. Наличное же бытие есть определенное бытие, *конкретное*; поэтому в нем сразу же выявляется несколько определений, различные отношения его моментов” (4, 170-171).

Анализируя наличное бытие $\{X_i\}$, Гегель пишет о том, что каждое X_i отличается от каждого X_j . Ни одно из них не является общим, ибо общим является бытие X . Ни одно из X_i не является определенным само по себе: *определенность* оно получает только через *отрицание*, через свою противоположность X_j . Только таким образом наличное бытие обретает *качество*. Итак, слово Гегелю:

“Ввиду непосредственности, в которой бытие и ничто едины в наличном бытии, они не выходят за пределы друг друга; насколько наличное бытие есть сущее, настолько же оно есть небытие, определено. Бытие не есть *всеобщее*, определенность не есть *особенное*. Определенность еще *не отделилась* от *бытия*; правда, она уже не будет отделяться от него, ибо лежащее отныне в основе истинное есть единство небытия с бытием; на этом единстве как на основе зиждутся все дальнейшие определения. Но соотношение здесь определенности с бытием есть непосредственное единство обоих, так что еще не положено никакого различия их” (4, 171).

И далее:

“Определенность как изолированная сама по себе, как *суцая* определенность, есть *качество* – нечто совершенно простое, непосредственное. *Определенность* вообще есть более общее, которое точно так же может быть и количественным, и далее определенным. Ввиду этой простоты нечего более сказать о качестве как *таковом*.

¹¹ там же, с. 170.

Но наличное бытие, в котором содержится и ничто, и бытие, само служит масштабом для односторонности качества как лишь *непосредственной* или *сущей* определенности. Качество должно быть положено и в определении ничто, благодаря чему непосредственная или *сущая* определенность полагается как некая различенная, рефлексированная определенность и, таким образом, ничто как то, что определено в некоторой определенности, есть также нечто рефлексированное, некое *отрицание*. Качество, взятое таким образом, чтобы оно, будучи различным, считалось *сущим*, есть *реальность*; оно же, обремененное некоторым отрицанием, есть *отрицание* вообще, а также некоторое качество, считающееся, однако, недостатком и определяющееся в дальнейшем как граница, предел.

Оба суть наличное бытие; но в *реальности* как качестве, в котором акцентируется то, что оно *сущее*, скрыто то обстоятельство, что оно содержит определенность, следовательно, и отрицание; реальность считается поэтому лишь чем-то положительным, из которого исключены отрицание, ограниченность, недостаток. Отрицание только как недостаток было бы тоже, что и ничто; но оно наличное бытие, качество, только определяемое посредством небытия” (4, 172).

Элементом наличного бытия $\{X_i\}$ является, по Гегелю, *нечто* X_i , определяющее себя в соотношении с *иным* X_j . Но *первой* формой его определенности является само X_i , которое испускается X и поглощается им. Иными словами, *нечто* X_i определяет себя сначала как *внутри-себя-бытие*, получающее определенность через самое себя. Итак, слово Гегелю:

“В наличном бытии мы различили его определенность как качество; в качестве как налично сущем есть различие – различие реальности и отрицания. Насколько эти различия имеются в наличном бытии, настолько же они ничтожны и сняты. Сама реальность содержит отрицание, есть наличное, а не неопределенное, абстрактное бытие. И точно так же отрицание есть наличное бытие; оно не абстрактное, как считают, ничто, оно здесь положено так, как оно есть в себе, как сущее, принадлежащее к наличному бытию. Таким образом, качество вообще не отделено от наличного бытия, которое есть лишь определенное, качественное бытие.

Это снятие различия есть больше, чем только отказ от него и еще одно внешнее отбрасывание его или простой возврат к простому началу, к наличному бытию как таковому. Различие не может быть отброшено, ибо оно *есть*. Фактически, стало быть, то, что имеется, есть наличное бытие вообще, различие в нем и снятие этого различия; не наличное бытие, лишённое различий, как вначале, а наличное бытие как *снова* равное самому себе *благодаря снятию различия*, как простота наличного бытия, *опосредствованная* этим снятием. Эта снятость различия есть отличительная определенность наличного бытия. Таким образом, оно есть *внутри-себя-бытие*; наличное бытие есть *налично сущее, нечто*” (4, 176).

Соответственно, на основе текста “Науки логики” мы приходим к следующему выводу:

Контакт <i>чистого бытия</i> X с <i>чистым ничто</i> (X) приводит к становлению <i>бытия</i> X такого, что X <i>возникает</i> из (X) и <i>преходит</i> в нем:	
	бытие X определяет себя как <i>наличное бытие</i> $\{X_i\}$, каждое X_i которого, <i>возникая</i> из X и <i>преходя</i> в нем, выступает как <i>нечто</i> по отношению к другим X_j , являющимися такими же <i>нечто</i> , но <i>иными</i> .

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ «ЦИВИЛИЗАЦИИ ЛЮБВИ»

Барчик П.П., г. Мысловице, Польша

Резюме: в актуальных реалиях современной демократии педагогика рассматривается как шанс на осуществление перемен, ориентированных на гуманистические ценности. В настоящее время всё более усиливается убеждение в необходимости интенсификации творческой активности деятельного равнодушного человека, являющегося эффектом целенаправленного воздействия воспитания и обучения.

Ключевые слова: гуманистические ценности, процессы обучения, цивилизационное развитие, диалог культур, культурная самоидентификация.

Современная эпоха характеризуется состоянием особой напряжённости, которое часто определяется как распутье. Повсеместно наблюдается ломка традиционных норм и ценностей. Всё более заметно углубляющееся противоречие между наукой, техникой и просвещением. Эти ситуации могут быть проявлениями модели антигуманизма¹². И здесь появляется новая перспектива для педагогики.

¹² Подробнее на эту тему писал В. Suchodolski: *Rozważania o kulturze i przyszłości narodu*. Szczecin 1989.